

Ся Инь ушла из жизни три года назад, но её память до сих пор остаётся незаживающей раной в этом доме. Она же стала началом разрыва отношений между отцом и дочерью. Цзян Чжися ненавидела Цзян Циня за то, что он не смог должным образом позаботиться о Ся Инь, отдав всё своим ученикам. Однако Ся Инь сама была такой же — большую часть своей жизни она с радостью посвятила ученикам. В юности Цзян Чжися не могла этого понять. Ей казалось, что её с детства бросили на произвол судьбы, будто родители были чужими. Хотя они искренне любили её, неизбежно делились своей любовью с другими.

Молодая Цзян Чжися не могла понять, почему Ся Инь, лежа на больничной койке, продолжала тянуть себя, а Цзян Цинь разрывался между школой и больницей. Она ненавидела их за то, что они всегда были заняты другими делами, не отдаваясь любви полностью. Особенно её раздражало отношение Цзян Циня к Чэн Си, которое было подозрительно похоже на отношение к незаконнорождённой дочери, что усиливало её бунтарство. Но, что странно, даже в самые бунтарские моменты она не могла грубо обращаться с учителями. Возможно, в глубине души она всё ещё уважала эту профессию.

Сейчас Цзян Цинь не знал, что перед ним — Цзян Чжися, отделённая от него десятилетиями. Она уже поняла, что нужно ценить и кого любить. Поэтому после минутного молчания он увидел, как она медленно улыбнулась и похлопала его по спине.

— Ну вот, я унаследовала твои гены, а не мамины. Всё из-за тебя.

Цзян Цинь наконец расслабился:

— Чушь, твои сочинения — это точно не от меня.

Как хорошо, подумал он. Всё позади.

Поэтому, когда в субботу он увидел, что в дом пришла Чэн Си, он не особенно удивился. Эту девочку, которую его жена анонимно поддерживала, он искренне жалел. В старших классах он тоже заботился о ней, продолжая волю покойной жены. Он до сих пор помнил, как Чэн Си пришла в Первую школу для участия в независимом наборе студентов. Девушка, которая смогла сама взять свою судьбу в руки, заслуживала уважения.

Он знал, что его дочь недолюбливала Чэн Си, но теперь, видя, что Цзян Чжися повзрослела и сама пошла на примирение, он был рад. Он предложил им чувствовать себя как дома и сказал, чтобы они не стеснялись просить о чём-либо.

Чэн Си была в розовых тапочках с ушками кролика — Цзян Чжися специально купила их для неё, считая, что они идеально подходят её характеру. Как нежный бутон цветка, она вежливо поздоровалась:

— Спасибо, учитель Цзян.

Цзян Чжися закрыла дверь и, раздражённо махнув рукой, сказала:

— Ладно, иди занимайся своими делами.

Она вчера допоздна писала программу, легла в три часа, а после обеда её разбудили, и теперь её лицо выражало одну мысль: «Я хочу спать».

Она легко взяла рюкзак Чэн Си и повела её в комнату:

— Сиси, пойдём в левую комнату. Что будешь пить? Я принесу.

Чэн Си, не ожидавшая такого, растерялась:

— Не надо.

Цзян Чжися не обратила на это внимания, усадила её в комнате:

— Сиси, садись.

Затем вышла за напитками и фруктами.

Чэн Си села в плетёное кресло в комнате Цзян Чжися и осмотрелась.

Розовый интерьер, совсем не соответствующий её характеру, напоминал комнату маленькой принцессы. Каждый уголок был продуман с любовью. Даже занавески украшали розовые бабочки, что говорило о том, как заботливо обустроили комнату для её хозяйки.

Однако детали быта выдавали более свободный стиль Цзян Чжися: беспорядочно брошенное на полу одеяло, книги, лежащие рядом с креслом, рабочий стол с компьютером в режиме ожидания и разбросанные ручки.

Хотя всё выглядело хаотично, это не вызывало раздражения.

Пока она размышляла, хозяйка комнаты вернулась с подносом закусок:

— Фан-Фан опять опаздывает, не будем её ждать. Сиси, начни делать уроки. Вот, возьми «Белого кролика».

Она развернула конфету и протянула её.

Чэн Си улыбнулась, принимая конфету:

— Спасибо.

— Не за что, — рассмеялась Цзян Чжися, погладив её по голове и плюхнувшись на кровать. — Сначала сделай уроки, а я посплю десять минут, и снова буду в строю.

Сказав это, она уткнулась в одеяло, и через две минуты её дыхание стало ровным.

Чэн Си почувствовала сладость во рту и села за стол, чтобы продолжить делать задания.

В комнате было тихо. Слышалось только дыхание и шуршание ручки по бумаге.

Когда Цзян Чжися проснулась через час, Цзян Цинь постучал в дверь:

— Сяся, Фан-Фан позвонила, сказала, что её мама взяла её на семейную встречу. Сегодня вы учитесь сами.

— Хорошо! — Цзян Чжися села, потянулась и не удержалась от ругани:

— Эта мелкая, наверняка просто не хочет учиться.

Она подняла глаза и увидела, как Чэн Си смотрит на неё с мягкой улыбкой.

Цзян Чжися вскочила с кровати:

— Сиси, ты всё это время делала уроки?

— Угу, — кивнула Чэн Си. — Ты начинаешь заниматься?

— Ладно, — Цзян Чжися села рядом с Чэн Си, нашла книгу, которую читала вчера, и задачу, на которой остановилась:

— Сиси, посмотри на эту задачу. Я сделала анализ сил, но всё равно не получается.

Чэн Си взяла задачник и посмотрела:

— Здесь направление силы сопротивления отмечено неправильно. Вот так...

Стиль объяснения Чэн Си был таким же мягким, как и она сама, и легко доходил до сердца. Цзян Чжися наклонилась, слушая и кивая.

Цзян Цинь, подслушивавший у двери, с удовлетворением удалился.

Один объяснял, другой слушал, и незаметно наступило шесть вечера. Цзян Цинь постучал, приглашая их к ужину.

— Садитесь, ужин готов. Устали от учёбы?

Он снял фартук и подвинул блюда ближе к ним.

— Спасибо, учитель Цзян.

Чэн Си и Цзян Цинь неплохо ладили. Цзян Цинь был ответственным учителем, и в старших классах она много раз получала от него помощь. Поэтому, когда Цзян Чжися её донимала, она не принимала это близко к сердцу. Для неё Цзян Чжися была просто избалованным ребёнком с плохим характером.

Цзян Чжися, «избалованный ребёнок», не знала, о чём она думала. Увидев, как она садится, она активно протянула ей палочки и миску:

— Вот, Сиси, ешь побольше. Попробуй это тушёное баклажан, единственное блюдо, которое у старого Цзяна получается съедобным.

— У меня и другие блюда неплохие, попробуйте эту рыбу, — Цзян Цинь с улыбкой подвинул к ним тарелку с паровой рыбой.

Заодно он поинтересовался их успехами в учёбе. В этом семестре его назначили преподавать в гуманитарный экспериментальный класс, поэтому он не был в курсе их дел.

Цзян Чжися, продолжая подшучивать, начала ругать сбежавшую Фан-Фан:

— Она точно просто нашла повод не приходить. Ну уж нет, я её прибью. Позавчера она говорила, что хочет хорошо учиться, а теперь вот.

— Учёба требует времени, не торопитесь, — Цзян Цинь постучал по столу перед ней. — Девочка, говори поаккуратнее.

Хотя Цзян Чжися вряд ли прислушалась бы к таким просьбам.

Атмосфера за столом была тёплой. Осенний закатный свет проникал через угол шторы, создавая узоры на столе, будто добавляя комнате ретро-фильтр. Всё это, смешиваясь с шутками и запахом еды, создавало уютную и гармоничную картину.

Чэн Си ненадолго задумалась. Она не знала, что для Цзян Циня и его дочери такая картина тоже была редкой. Для Цзян Чжися это было словно возвращение в прошлое.

Многие моменты, которые мы считаем обыденными, позже могут стать недоступными.

Цзян Чжися собиралась положить Чэн Си кусочек рыбы, но, увидев её задумчивый взгляд, поняла её мысли. Постучала по её миске:

— Ешь как следует.

Авторское примечание: Несколько дней я ела раз в день, и теперь пожинаю плоды, страдая как собака. Дорогие, не повторяйте моих ошибок, кушайте хорошо!

Сюжет постепенно развивается, я ещё неопытна, но постараюсь писать лучше. Люблю вас! Спасибо за поддержку!

<http://bllate.org/book/16349/1477305>